

Внезапно выросший на ладони Вэнь Сюэчэня крупный жук бросил Сюй Синчжи в холодный пот. В голове зашумело, тело отяжелело, и в мгновение ока он словно рухнул в водоворот, подхваченный гигантской силой всасывания, уносящей его всё дальше и дальше от этой группы людей.

В конце концов, в полном головокружении он рухнул на ложе.

В тот самый миг, когда Сюй Синчжи открыл глаза, в голове запульсировала дикая, взрывная боль.

В ноздрах всё ещё таился травяной аромат красных сандаловых деревьев, но он уже вырвался из принадлежавших первому владельцу тела воспоминаний и вернулся в высокую башню посреди Пустошей.

Мэн Чунгуан отсутствовал в спальне, зато у кровати находился Чжоу Бэйнань. Согнувшись в три погибели, он как раз поправлял Сюй Синчжи подушку.

Заметив, что Сюй Синчжи очнулся, Чжоу Бэйнань мгновенно смутился и, указывая на подушку, выдавил:

— Ты... слишком сильно вспотел, я решил сменить тебе подушку.

Выдав это объяснение, он соорудил странную мину, на которой так и читалось: «Какого чёрта я вообще тут распинаюсь?»

Понимая, что дольше оставаться здесь он не в силах, Чжоу Бэйнань попросту развернулся и зашагал к выходу.

Сюй Синчжи, чья голова всё ещё была словно в тумане, разлепил губы и окликнул:

— Толстяк Чжоу.

Уже дошедший до двери Чжоу Бэйнань резко замер на месте.

Это прозвище, казалось, воспламенило сдерживаемые в его груди эмоции. Он крутанулся на каблуках, в несколько стремительных шагов вернулся к ложу и яростно рявкнул:

— Где тебя носила все эти тринадцать лет?! Какого чёрта ты вообще заявился в Пустоши?!

Он протянул руку, намереваясь схватить Сюй Синчжи за воротник, но воздух остался пустым.

Чжоу Бэйнань погиб много лет назад и теперь был лишь призрачным слугой из свиты Лу Юйцзю. Строго говоря, человеком его уже давно назвать было нельзя — скорее, человекоподобным оружием в руках Лу Юйцзю, способным убивать с помощью призрачных солдат, но не способным коснуться ни единой живой души, кроме самого Лу Юйцзю.

Его полупрозрачные руки насквозь прошли сквозь тело Сюй Синчжи, однако, несмотря на это, он изо всех сил сжал кулаки.

Сквозь зубы он процедил:

— Сюй Синчжи, да ты хоть знаешь, сколько лет я считал тебя мёртвым...

Сюй Синчжи неожиданно уловил в этом скрежете зубов нотку неподдельной горечи.

В обрывочных воспоминаниях прежнего Сюй Синчжи первый владелец тела и Чжоу Бэйнань при каждой встрече сходились в драке, а при первой встрече в Пустошах Чжоу Бэйнань и вовсе не сказал ему ни единого доброго слова, ни разу не одарив приветливым взглядом. Именно поэтому Сюй Синчжи автоматически решил, что их отношения хуже некуда.

Но в тех цельных воспоминаниях их связь явно была очень крепкой.

Мысли Сюй Синчжи сейчас путались. Он прижал ладони к раскалывающимся от боли вискам и с силой надавил, заставляя себя хоть немного прийти в себя.

Успокоив бурю в душе, Сюй Синчжи поднял взгляд на Чжоу Бэйнаня и произнёс:

— Меня... подослали убить вас.

Он признался так легко и непринуждённо, что Чжоу Бэйнань даже опешил.

Мгновение спустя он переспросил:

— Это... Цзючжи Дэн приказал тебе?

Сюй Синчжи криво улыбнулся и промолчал.

Его вид лишь сильнее укрепил Чжоу Бэйнаня в собственной догадке.

Тот опустился на край кровати:

— Он велел тебе убить Мэн Чунгуана?

Сюй Синчжи кивнул:

— Ты же знаешь. Чунгуан никогда не защищается от меня.

На лице Чжоу Бэйнаня отразилось понимание, сменившееся затем яростным, злым смехом:

— Этот паршивец... И впрямь решил вырезать нас всех до единого.

Сюй Синчжи мысленно с облегчением выдохнул.

Вроде бы пронесло.

Прежний владелец тела бесследно исчезал на целых тринадцать лет, и теперь он сам, заняв чужое место, внезапно объявился в Пустошах — одно это выглядело слишком подозрительно.

Сюй Синчжи не смог прикончить Мэн Чунгуана с первой попытки, а значит, если он хотел остаться рядом с этими людьми и выждать момент для удара, ему требовалось убедительное оправдание, чтобы они приняли его.

Самая изощренная ложь — та, где правда смешана с вымыслом, именно она звучит убедительнее всего.

И действительно, как и рассчитывал Сюй Синчжи, Чжоу Бэйнань поверил его словам.

Подавшись вперед, Чжоу Бэйнань всерьёз спросил:

— Он узнал, что мы близки к тому, чтобы отыскать ключ от Пустошей?

Одержимые

Всё в точности совпадало с миром, описанным в романе Сюй Синчжи.

Согласно придуманному им сюжету, банда Мэн Чунгуана все эти годы неустанно разыскивала ключ, способный вызволить их из Пустошей.

Войти и выйти из Пустошей можно было лишь через одни-единственные Врата, а ключей от них на всём белом свете существовало ровно два.

Один из них, разумеется, неизменно хранил при себе владыка праведного пути, находившийся за пределами Пустошей; второй же ключ этот человек швырнул в Пустоши, спрятав где-то в их недрах — исключительно ради того, чтобы узники не теряли надежду и вновь и вновь страдали от душевных мук в бесконечных и тщетных поисках.

Мнения о том, где же спрятан ключ, ходили самые разные.

Кое-кто считал, что ключа вовсе не существует и это лишь иллюзорная мечта, брошенная сильными мира сего в утешение заключённым. Другие же верили, что ключ реален, просто раскололся на несколько частей и разлетелся по разным уголкам, и собрать их обратно — задача невероятно сложная, но всё же дающая хоть какую-то надежду, в отличие от первого варианта.

По замыслу автора, в самом конце Мэн Чунгуан всё же заполучал ключ и покидал Пустоши.

Сам Сюй Синчжи до той части ещё не дописал и точного тайника с ключом не указывал, однако в романе уже обозначил четыре места, где содержались ключевые подсказки к его местонахождению.

Фэншань, Лощина Прыгающего Тигра, Земля вне Закона и Безглавое Море.

Ну а где именно находился настоящий ключ от Пустошей, не знал даже он сам — его создатель. Понятия не имея, в какой щели тот был заброшен.

В текущей ситуации Сюй Синчжи, обладавший огромным массивом информации, мог сделать лишь одно — тянуть время.

Сюй Синчжи не испытывал неприязни к этим людям. Все они родились под его пером, и их трагические судьбы, можно сказать, были целиком и полностью вылеплены им самим — включая Мэн Чунгуан.

Пусть Вселенский Разум и твердил, что он — злодей до мозга костей, пусть Мэн Чунгуан некогда приковывал его к постели, не позволяя ступить и шагу, Сюй Синчжи всё равно не мог заставить себя ненавидеть Мэн Чунгуана.

Но ему нужно было домой.

Дома оставались отец Сюй Саньцю и младшенькая Утун, он не мог вечно блуждать по наваждению, забыв о реальном мире.

Вселенский Разум выразился предельно ясно: не покончив с Мэн Чунгуаном, он отсюда не выберется.

К тому же, отсутствие ненависти к Мэн Чунгуану вовсе не означало, что он должен помогать ему выбраться из Пустошей.

Нрав у Мэн Чунгуана был переменчивым, и никто не знал, карам сокрушительным обрушится он на головы тех, кто упрятал его в Пустоши и томил в неволе тринадцать лет, стойте ему только вырваться на свободу.

Поэтому на вопрос Чжоу Бэйнаня Сюй Синчжи неторопливо ответил обтекаемо:

— Неудивительно, что он потребовал не затягивать и прикончить Чунгуана. Если бы я отказался, он пригрозил оставить меня гнить здесь вместе со всеми.

Чжоу Бэйнань презрительно сплюнул:

— Погляди-ка на колыбельку свою. Какого же шикарного младшего братишку ты воспитал.

Сюй Синчжи парировал:

— Ты сейчас о ком — о Мэн Чунгуане или о Цзючжи Дэне?

Чжоу Бэйнань без обиняков бросил:

— Оба хороши.

Опираясь на воспоминания прежнего владельца тела, Сюй Синчжи теперь беседовал с куда большим апломбом.

Ему так и подмывало заявить: «Да тебя самого, Чжоу Бэйнань, в эту дыру упрятали, чего нос задираешь?» — но Чжоу Бэйнань опередил его с новой претензией:

— Все эти годы ты жил с Цзючжи Дэном, верно?

Сюй Синчжи нахмурился:

— С чего ты вдруг это взял?

— Теперь вся Фэнлиншань принадлежит ему, а Мэн Чунгуана он упрятал в темницу — неужто он добровольно отпустил бы тебя? — Чжоу Бэйнань поиграл брови с двусмысленной улыбочкой. — Вы что, с ним в пух и прах разругались, раз он заставил тебя идти убивать Чунгуана?

От этой ухмылки у Сюй Синчжи по спине побежали мурашки.

Ему всё казалось, что в словах Чжоу Бэйнаня скрывается какой-то двойной смысл.

Мы все вроде бы соученики, так почему это он, старший брат, выглядит так, будто эти двое непутёвых младших братишек держат его при себе в качестве смазливой фаворита?

Хотя, если подумать, предположение Чжоу Бэйнаня не было совсем уж беспочвенным.

Чтобы не тратить силы на сочинение новых небылиц и раз и навсегда закрыть этот вопрос, Сюй Синчжи решил плыть по течению:

— Вроде того.

Его слова ещё не затихли, как из-за двери донёсся глухой грохот, сменившийся шуршанием сыплющейся каменной крошки и пыли.

Чжоу Бэйнань вскочил на ноги, собираясь проверить, в чём дело.

У Сюй Синчжи вдруг шевельнулось самое дурное предчувствие.

Он поднялся и хромя поплёлся к выходу.

Будучи блуждающим духом, Чжоу Бэйнань просочился прямо сквозь створку двери, в то время как Сюй Синчжи пришлось повозиться, открывая засов, из-за чего он немного отставал.

Распахнув дверь, он увидел замершего столбом Чжоу Бэйнаня, и дурное предчувствие Сюй Синчжи взлетело до небес.

Проследив за его взглядом, Сюй Синчжи тяжело сглотнул.

В проходе никого не было. Однако на безупречной резной каменной колонне зияла жуткая человеческая вмятина — по ней можно было отчетливо понять, что кто-то только что прижимался к ней всем телом лицом прямо к дверному проему.

Ещё страшнее было то, что рядом с этим отпечатком виднелись пять глубоких борозд от пальцев.

Следы тянулись далеко вниз, изломанные края камня осыпались, красноречиво свидетельствуя о том, в какой бешенке ярости подслушивавший человек оставил эти отметины.

Стоило вспомнить, о чём они только что говорили, сопоставить момент, когда раздался тот глухой звук, и поразмыслить, у кого в этой башне могла быть столь чудовищная сила — и ответ, кто именно притаился у дверей, напрашивался сам собой.

С предельно сочувственным выражением лица Чжоу Бэйнань обратился к окаменевшему Сюй Синчжи:

— Прими мои соболезнования.

Вселенский Разум уже предупреждал Сюй Синчжи, что одержимость Мэн Чунгуана прежним владельцем тела перешла все границы, но, глядя на этот кошмарный след излитой ярости, Сюй Синчжи всё равно почувствовал, как у него подкашиваются колени.

Когда Мэн Чунгуан свернул в небольшую комнату, где содержался зверолод, Костяная Дема как раз осматривала бесчувственного пациента.

Мэн Чунгуан вошёл без стука и звука, но стоило Костяной Деме поднять глаза, как всё стало понятно. Она спросила:

— Кто это тебя так разозлил? Чего бесишься?

Мэн Чунгуан проскрежетал зубами:

— Я не злюсь.

Костяная Дема хмыкнула:

— По-моему, ты готов сорваться с катушек. Оставив Сюй Синчжи позади, Мэн Чунгуан тут же напустил на себя ледяной вид, словно говоря всем посторонним: «Не подходите». Он подошел ближе и наступил ногой на голову полуживого зверошкурого человека, который влачил жалкое существование на полу:

— Старший брат велел не дать ему помереть. Почему он до сих пор не очнулся?

Обыкновенная кость промолвила:

— ...Ты избил его до такого состояния разве не потому, что сам жаждал его смерти?

— Разве он не заслуживает смерти? — на лице Мэн Чунгуана промелькнуло легкое досадливое выражение. — Он заставил меня потерять самообладание, я поднял руку прямо перед старшим братом и испортил образ, который я так тщательно выстраивал в его глазах.

Обыкновенная кость:

— ...

Мэн Чунгуан сильнее надавил ногой, перемалывая череп зверошкурого человека, и холодно усмехнулся:

— ...На этот раз ему еще повезло. Если бы он хоть волосок на теле старшего брата ранил, я бы непременно вытащил из него все кости, стер их в порошок и сделал чашки для чая.

Обыкновенная кость не слишком-то его боялась:

— Если хочешь, чтобы он выжил, сначала убери ногу. Я с таким трудом стабилизировала его дыхание и жизненную энергию, а если ты еще немного побудешь в таком положении, то и это последнее дыхание под твоей ногой испустит дух.

Мэн Чунгуан, словно капризничая с ней, так и остался стоять, прочно прижав ногой голову зверошкурого человека, с видом: «Я не уберу ногу, и что ты мне сделаешь?»

Обыкновенная кость не стала обращать на него внимания. Кончики ее пальцев заискрились зеленым светом, и она принялась ощупывать позвоночник зверошкурого человека, похожий на кусок грязи, проверяя его позвонок за позвонком, и неизбежно заворчала:

— Если бы он отделался лишь внешними ранами, ладно уж, я могла бы перенести эти травмы на себя. Но раз он изувечен до такого состояния... я могу лишь изо всех сил постараться продлить ему жизнь.

— ...Большое спасибо.

Суставы по всему телу Обыкновенной кости резко напряглись.

Разумеется, слова благодарности произнес вовсе не Мэн Чунгуан — он никогда и ни с кем из них не церемонился, и услышать от него слово признательности было такой же редкостью, как цветение железного дерева или появление арбузов на могильном холме.

Лицо Мэн Чунгуана тоже мгновенно переменилось, и он резко обернулся ко входу в небольшую комнату.

Сюй Синчжи стоял там и в знак приветствия легко качнул веером.

Обыкновенная кость мгновенно опустила голову, а Мэн Чунгуан отвернулся, послушно убрав

ногу с головы зверошкурого человека, и даже с видом воришки, которого застали с поличным, тщательно потер подошву о землю.

Сюй Синчжи, сжимая в руке складной веер, неспешной поступью подошел ближе и непринужденно поприветствовал:

— Трудишься, младшая сестрица.

То ли ему показалось, то ли это и вправду было так, но стоило ему лишь назвать ее младшей сестрицей, как Сюй Синчжи почему-то померещилось, будто в пустых, зияющих чернотой глазницах Обыкновенной кости блеснула искра слезы.

...Однако у нее давным-давно не осталось глазных яблок, способных источать слезы.

Обыкновенная кость беззвучно шевельнула губами, не издав ни звука, и, низко опустив голову, торопливо зашагала прочь. Проходя мимо Сюй Синчжи, она остановилась и, посомнеавшись с полминуты, всё же поздоровалась с ним:

— Давно не виделись... старший брат.

Сюй Синчжи поднял руку и погладил её шелковистые волосы, нисколько не смущаясь её устрашающего, усеянного острыми костями облика.

Костяная демоница терпела, терпела, но в конце концов не выдержала, бросилась вперед и крепко обняла Сюй Синчжи.

Она дрожала всем телом, когда выдавила из себя:

— ...Старший брат.

Сюй Синчжи от рождения был натурой странной, а вовсе не Е Гуном, любившим лишь рисованных драконов; если бы он испугался стоящего перед ним скелета, то никогда бы не написал столь дерзкого, идущего против устоев сказа.

Когда Костяная демоница крепко прижалась к нему, сердце Сюй Синчжи внезапно смягчилось до предела.

Он вспомнил свою младшую сестру Сюй Утун, которая точно так же порой без предупреждения врезалась в его объятия, задирала голову, звала его братиком, а в её глазах плескалась безграничная привязанность и трепет.

Сюй Синчжи погладил Костяную демоницу по щеке и безошибочно назвал её по имени:

— Жучжоу, ну всё, старший брат здесь.

Прежде чем превратиться в это жуткое создание, не то человек, не то призрак, Юань Жучжоу была самой обычной шестнадцатилетней девушкой. Успокоившись после минутного порыва слабости, она пришла в себя, жутко смутилась, отстранила Сюй Синчжи и тихо произнесла:

— ...Прости, я причинила тебе боль... твои кости ведь такие острые, старший брат.

Эта девочка была до того послушной, что в Сюй Синчжи всколыхнулись самые нежные братские чувства. Он снова погладил её по макушке, а она, словно от застенчивости, опустила голову и выбежала вон.

Проводив Юань Жучжоу взглядом, Сюй Синчжи неспешно подошел к Мэн Чунгуану и постучал его по голове складным веером:

— ...Сердишься?

Мэн Чунгуан уставился себе под ноги, разглядывая собственные сапоги, и не удостоил его ответом.

Сюй Синчжи невольно усмехнулся.

В памяти прежнего владельца тела тот маленький демоненок, которого он некогда подобрал на горе Линцю, и этот дующийся перед ним старый демон словно отражали друг друга в зеркале — их обиженные, полные досады выражения лиц выглядели так, будто их отлили по одной форме.

Сюй Синчжи был уверен, что недавний разговор с Чжоу Бэйнанем Мэн Чунгуан слышал по меньшей мере на шесть-семь десятых. К счастью, те слова о том, что нужно прийти и убить Мэн Чунгуана, не содержали ничего секретного, и если уж говорить начистоту, то ничего страшного. Напротив, теперь, когда всё прояснилось, у того не останется поводов для подозрений.

Мэн Чунгуан, должно быть, злился вовсе не из-за цели его визита — больше всего его, судя по всему, волновало то, откуда сам Сюй Синчжи родом.

Сюй Синчжи осторожно поинтересовался:

— Ты сердишься из-за Девятисвечника?

Услышав это имя, Мэн Чунгуан в лице изменился:

— Не смей упоминать этого человека при мне, старший брат!

Сюй Синчжи не удержался от смешка.

Интересно, сколько же лет этому старому демону, почему он ведет себя так по-детски, стоит ему только раскапризничаться? Если между прежним владельцем тела и Мэн Чунгуаном и впрямь была столь глубокая привязанность, почему же тогда они пошли друг на друга братоубийственной войной? Почему дело дошло и до убийства учителя, и до клеветы — до столь страшной и жестокой развязки?

Мэн Чунгуан вовсе не находил свои слова и поступки нелепыми. Те три слова явно произвели на него сильнейшее впечатление: он бросился в объятия Сюй Синчжи и, крепко сжав руки, намертво запер его в своем кольце: — Сюй-шисюн, ты всё еще хочешь вернуться к нему? Ты убьешь меня?

Мэн Чунгуан от природы обладал прекрасной, белой кожей и красотой древних дев, и хотя, когда они стояли рядом, он оказывался даже выше ростом, стоило ему устремить на Сюй Синчжи полный жалости и невинности взгляд, как у того неизменно перехватывало дыхание.

Услышав этот вопрос, Сюй Синчжи невольно почувствовал укол совести.

Он вовсе не хотел возвращаться к Цзю Чжидэну — он желал лишь вернуться к своим настоящим родным.

Оставалось лишь отвечать уклончиво: — Что за глупости...

— Шисюн несправедлив ко мне... — Мэн Чунгуан прижал Сюй Синчжи к груди, уткнувшись подбородком в его макушку, и тихо прошептал: — Шисюн провел тринадцать лет на воле вместе с Цзю Чжидэном, но не взял меня с собой...

От столь крепких объятий у Сюй Синчжи онемели все конечности.

От Мэн Чунгуана исходил легкий, изысканный растительный аромат — то ли бамбуковых листьев, то ли персиковых.

Однако по мере того, как этот странный запах пропитывал воздух, Сюй Синчжи смутно почувствовал головокружение, а по спине побежал пот.

— Шисюн, тебе запрещено уходить от меня, — нежным голосом произнес Мэн Чунгуан. — Я сделаю так, что ты никогда больше не посмеешь отлучиться от меня ни на шаг.

Остальных слов Сюй Синчжи уже не расслышал.

Тонкий растительный аромат проник сквозь его каналы и коллатерали, расслабляя руки и ноги, а бормотание Мэн Чунгуана превратилось в ласковый весенний ручеек, под убаюкивающий журчащий звук которого он незаметно погрузился в сон.

Ему зловеще приснилось, будто он превратился в рыбу и предавался любовной страсти с ароматной наживкой. Наживка была мягкой и теплой, словно живая, она осторожно и трепетно целовала его хвост. Сюй Синчжи вовсе не чувствовал голода, он лишь кружил и резвился рядом, позволяя ей нежно тереться о свою чешую.

Но стоило ему повернуться, как наживка неожиданно выпустила бесчисленные тончайшие щупальца, впились в его тело и повлекла за собой в бездонную пучину.

Сюй Синчжи попытался вырваться, но щупальца оказались мягкими, но прочными, и его вмиг оплело так сладостно, что кости заныли, после чего он соскользнул в густые заросли мягких кораллов.

Сюй Синчжи в ужасе проснулся. Поясница и колени невыносимо ныли от слабости, а внизу живота ощущалось тянущее чувство распирания.

Сюй Синчжи приложил руку к животу, чувствуя, будто там до сих пор извиваются и бьются мягкие щупальца.

Он уже неизвестно когда вернулся в спальню и лежал на кровати, а на его лодыжки были надеты тяжелые кандалы, лишаящие возможности двигаться.

Мэн Чунгуан же крепко обнимал его за талию со спины и сладко спал; волны горячего дыхания оведали шею Сюй Синчжи, вызывая сильный зуд.

Судя по всему, после того как он сегодня потерял сознание, а затем по собственной воле заговорил с Мэн Чунгуаном и полуправдиво поведал о целях своего визита в Дикие Земли, Мэн Чунгуан счел это знаком примирения. Он решил, что все старые обиды между ними стерты, а потому и осмелился на столь безумные вольности.

За окном по-прежнему было невозможно определить время суток.

Сюй Синчжи вытер холодный пот со лба и тяжело вздохнул.

Мэн Чунгуан уловил легкое движение и инстинктивно сжал руки сильнее: — Мм... шисюн...

Сюй Синчжи задохнулся от этого удушающего сжатия и попытался расцепить его пальцы, но

руки Мэн Чунгуана, казавшиеся хрупкими, на деле были тверды как закаленная сталь — сколько он ни тянул, они не сдвинулись ни на миллиметр.

Испытав нечто подобное во сне и оказавшись в точно таком же беспомощном положении наяву, Сюй Синчжи счел происходящее крайне дурным знаком.

Преодолевая сковывающие его путы, он с трудом перевернулся, намереваясь оттолкнуть Мэн Чунгуана лицом к лицу.

В самый момент поворота Мэн Чунгуан, словно назло, прижал Сюй Синчжи еще крепче и подался вперед.

Губы Сюй Синчжи скользнули по чему-то мягкому и теплomu.

От этого прикосновения губ Мэн Чунгуан резко распахнул глаза: — Шисюн?

Сюй Синчжи смущенно уперся предплечьем в грудь Мэн Чунгуана, отталкивая его назад: — Дышать нечем.

Мэн Чунгуан же сам прижался лбом к его лбу: — Разве шисюн не любит этого?

Сюй Синчжи: — ...

Шисюн, имей совесть.

Мэн Чунгуанвинвинно захлопал ресницами: — Так шисюн не замерзнет.

Сюй Синчжи и впрямь жутко боялся холода. Когда Мэн Чунгуан так крепко прижимал его к себе, не считая невозможности пошевелиться, вокруг и вправду разливалось приятное тепло.

Температура тела Мэн Чунгуана не была обжигающей или ледяной — в самый раз, уютная и комфортная, словно ставшая тесноватой зимняя одежда, кутавшая Сюй Синчжи так плотно, что не оставалось никакого выхода.

<http://bllate.org/book/22484/2370469>